

Глава первая

НАЧАЛО

Ясуко повадилась приходить в гости к Сюнсуке, весело плюхалась на его колени, когда он, развалившись на плетеном кресле, отдыхал в саду. Впрочем, это доставляло ему немалое удовольствие.

Лето 1951 года было в самом разгаре. Сюнсукэ никого не принимал до полудня. Обычно занимался делами — и то по настроению. Если работа не клеилась, то сочинял письма; или, распорядившись вынести в сад тростниковую кушетку, читал под деревом; или просто коротал время, отложив книгу на колени. Иногда звонил в колокольчик и просил служанку принести чаю. Или, натянув шерстяной плед до подбородка, дремал — если ночью что-то мешало ему выспаться.

И хотя Сюнсукэ перевалило за шестой десяток, никакими увлечениями из тех, что обычно называют хобби, он не обзавелся за всю свою жизнь. Отчасти потому, что относился к ним скептически. Просто он не ценил личностные отношения, которые скрепляются обоюдными увлечениями. Из-за крайней предвзятости, свойственной Сюнсукэ, душа его пребывала в конвульсивных и несуразных отношениях с окружающим миром. Правда, это благотворно сказалось на его поздних произведениях — от них все еще веяло свежестью и наивностью. Впрочем, за это тоже приходилось расплачиваться. В изображении персонажей его перу недоставало иронии, а также драматизма, вызванного

столкновениями сильных характеров. Одним словом, его произведения грешили художественной правдой — вот почему некоторые крайне скупые на похвалы критики до сих пор не решались признать его выдающимся писателем.

Ясуко сидела на вытянутых под пледом ногах Сюнсукаэ. Ему стало уже невозможно. Сюнсукаэ хотел как-то отшутиться, но на ум ничего смешного не приходило. Громко звенели цикады, и молчание его казалось еще более глубоким.

Из-за невроза правое колено Сюнсукаэ схватывали спазмы. Им всегда предшествовали смутные болезненные ощущения. Мягкая плоть девушки согревала ноги Сюнсукаэ, но его старческие и хрупкие коленные чашечки едва ли могли долго выдерживать ее тяжесть. И хотя боль нарастала, он силился изобразить удовольствие, отчего лицо его казалось лукавым. Наконец он не вытерпел:

— Ясуко, пощади колени, а то больно. Дай ногам передохнуть, присядь рядом!

Девушка вдруг стала серьезной, с тревогой посмотрела на Сюнсукаэ. Тот рассмеялся. Ясуко бросила на него презрительный взгляд — стареющему писателю он был хорошо знаком. Сюнсукаэ привстал и обхватил девушку за плечи. Взял ее за подбородок, запрокинул лицо назад и чмокнул в губы. Он поцеловал ее не из страсти, а будто в одолжение. В этот момент его правое колено пронзила острая боль, и Сюнсукаэ снова откинулся на кушетку. Спустя время, когда боль унялась, он приподнял голову и огляделся: Ясуко и след простыл.

Целую неделю от нее не было вестей. В один из дней Сюнсукаэ вышел прогуляться и по дороге наведался в дом Ясуко. Оказалось, что вместе со своими

школьными друзьями она уехала на полуостров Идзу искупаться в горячих источниках — это где-то на юге побережья. Он записал в блокнот название гостиницы и вернулся домой. Тотчас стал собираться в дорогу. Кипа рукописей на его столе осталась лежать нетронутой. Однако он нашел предлог срочно уйти на летние каникулы.

Чтобы не ехать по жаре, Сюнсукэ выбрал ранний поезд. Все равно льняной пиджак уже изрядно промок на его спине. В дороге он попивал из термоса дешевой зеленый чай. От скуки перечитывал пробный экземпляр рекламной брошюры, полученной от сотрудника издательства, — тот пришел на вокзал проводить его. Одной рукой, тонкой и суховатой, он держал проспект, а другую засунул в карман. В этот раз готовилось уже третье собрание сочинений Сюнсукэ Хиноки, первое вышло к его сорокапятилетию.

«В то время, — размышлял Сюнсукэ, вспоминая прошлое, — когда общественность хором приветствовала мои произведения, провозглашая их чуть ли не образцом большого стиля — в том смысле, что мое творчество приближается к вершинам, как пророчили многие, — мне хватало здравомыслия пренебречь всей этой глупостью. Нет, не глупостью! Никоим образом мои труды, моя душа, мои мысли не имели отношения к глупости. Отнюдь не глупы мои произведения. Конечно, не все безусловно в моих суждениях, но я слишком горд, чтобы искать им оправдания. У меня хватало духа, чтобы мои идеи могли обрести форму, соблюсти чистоту мышления, а это несовместимо со всякими сумасбродными занятиями. Мной, впрочем, двигал не только зов плоти. Моя глупость не имеет никакого отношения ни к духу, ни к вожделению. В чем я был глуп, так это только в том, что погряз в бесперспективных

абстракциях своего ума, которые грозили превратить меня в мизантропа. И сейчас все как прежде. Вот так и дожил до шестидесяти шести лет...»

С горькой усмешкой он всматривался в портрет на обратной стороне брошюры. Фотография малосимпатичного старика. Впрочем, не составляло труда обнаружить в его лице и привлекательные черты, которые обычно ассоциируются у людей с некими достоинствами, порой сомнительными. У него были широкий лоб и впалые, будто отсеченные щеки; большие сладострастные губы и волевой подбородок, — изнурительная работа духа отпечаталась во всем его облике. Это было лицо, не столько созданное тяготами души, сколько подточенное ими изнутри, как дерево вредителями. Его переполняла духовность, а преизбыток ее как бы обнажался на стареющем лице писателя, подобно рудным залежам на поверхности земли. Эта уродливость Сюнсукэ как проявление его духовности — с таким брезгливым выражением обычно говорят скабрёзости — понуждала людей отводить взгляд, будто они наткнулись на непристойную наготу застигнутого врасплох старика.

Чтобы Сюнсукэ назвать красивым, еще нужно увидеть в этой рыхлой глыбе великолепное сочетание черт лица, подпорченного отравой интеллектуального гедонизма современности, когда общечеловеческие ценности подменяются эгоистическими устремлениями, из красоты искореняется универсальность, а чувство прекрасного, попранное грубой и наглой силой, отрывается от нравственности, — из всего этого по какой-то самовольной прихоти лепился его образ.

Как бы то ни было, эта фотография самодовольного и непривлекательного старика, стоящего в длинном-предлинном ряду видных деятелей, контрастировала с той, что была помещена в начале брошюры. Эта

клика разноперых, изрядно польсевших интеллектуалов, как стая попугаев, была готова всякий раз по взмаху дирижерской палочки воспевать на все лады демоническую красоту произведений Сюнсукэ. Вот, например, что пишет один из прославленных исследователей творчества Хиноки, собранного в двадцати томах:

«Его многочисленные произведения ошеломили наши сердца словно внезапным ливнем: сначала они покорили искренностью пера, но затем ввергли нас в полное смятение. Господин Хиноки утверждает, что если бы он не обладал даром все подвергать сомнению, то произведения его были бы мертворожденными, — стоило бы тогда выставлять этих мертвецов на обозрение публики? Сюнсукэ Хиноки изображает красоту со знаком „минус“ как явление, обладающее качествами непредсказуемости, нестабильности, злополучия, несчастья, аморальности и мятежности. Безусловно, если определенная историческая эпоха становится фоном повествования, то нельзя игнорировать период декаданса, как нельзя умолчать о разочаровании и апатии, рассказывая любовную историю. Только сильное чувство одиночества, свирепствующее в человеческом сердце, подобно эпидемии в тропическом мегаполисе, обретает под его пером здоровое и яркое воплощение. И кажется, что ревность, страстность, вражда, ненависть нисколько не заботят писателя. Тем не менее он умудряется сказать о сокровенных ценностях жизни значительно больше, когда кровь едва теплится в жилах, чем когда польхают страсти.

Холодность обостряет все органы чувств, вызывая более сильный телесный трепет; безнравственность порождает жестоких поборников нравственности, бездушные провоцирует человека на героический бунт. Каким же мастерски отточенным должен быть стиль

писателя, чтобы связывать парадоксальные явления! Это стиль рококо, стиль старых песен хэйанской эпохи, стиль правдивого искусного слова, стиль пышного одеяния ради самой одежды, а не карнавальных масок. Он диаметрально противоположен стилю наготы. Этот стиль можно сравнить с красивыми складками на одежде богини Нике¹ или на скульптуре богини Фортуны, стоящей на фронтоне Парфенона. Эти ниспадающие, парящие складки на одеянии не просто облегают фигуру согласно ее движению, а как бы сами по себе трепещут и воспаряют в небо...»

Сюнсуке криво ухмылялся, пока читал все это. Он раздраженно пробормотал: «Все не то, не то! Мимо цели! Цветистый панегирик, годный для некролога! И это после двадцати лет знакомства написать такую ахинею!»

Он устремил взгляд в широкое окно вагона второго класса. Вдали синело море. Рыбачья лодка, расправив парус, уходила в открытый океан. Белая парусина — слабый ветер еле раздувал ее — прильнула к мачте и лениво ласкалась к ней. Вспышка яркого света вырвалась из-под основания мачты. Тотчас электричка врезалась в пронизанный розоватым утренним солнцем сосновый бор, а затем нырнула в темный туннель.

«А что, если это зеркальце, — предположил Сюнсуке. — Видимо, на борту той лодки прихорашивалась рыбачка. У нее руки загорелые и сильные, как у мужчины. Вероятно, она посылала сигналы пассажирам всех проходящих поездов, выдавая свои женские секретики».

¹ *Нике*, Ника — в греческой мифологии персонификация победы. Изображение богини известно по нескольким статуям скульптора Пеония из Менде. Возможно, что речь идет о Нике Самофракийской (ок. 190 г. до н. э.), которая хранится в Париже, в Лувре. — *Здесь и далее примеч. перев.*

В поэтическом воображении Сюнсукэ нарисовалось лицо той женщины-рыбачки. Вдруг в нем стали проявляться черты Ясуко. Стареющий писатель вздрогнул от наваждения.

«Кажется, что ревность, страстность, вражда, ненависть несколько не заботят писателя».

Вранье! Вранье! Вранье!

Одно дело, когда художник подделывает реальность, и совершенно другое дело, когда обманывает обыкновенный бюргер. Ведь писатель, художник привирает, чтобы выявить всю полноту правды, а обыватель — чтобы скрыть ее от других.

Сюнсукэ уклонялся от простодушных признаний, считал их ниже своего достоинства, и эта скрытность стала одной из причин для нападков на его недомыслие со стороны тех, кто упивался идеей единства искусства и социологии. Он плевать хотел на их худосочный позитивизм, навязываемый его произведениям, в которых они не видели и проблеска на какое-то светлое будущее — заманчивое, как кордебалет танцовщиц, задирающих юбки и сверкающих ляжками. По сути говоря, все же имелся какой-то изъян в размышлениях Сюнсукэ о жизни и искусстве, что необходимо влекло за собой его интеллектуальное бесплодие.

То, что мы называем мыслью, рождается не до свершившегося события, а после него. Ведь акт, поступок, поведение или действие есть результат случайности и импульсивности, а потому всему требуется оправдание. Тогда на авансцене появляется фигура адвоката: случайности придается закономерность, импульсивность наделяется волей — вот поступок и обретает смысл и логику. Мысль не может заживить раны слепому, который столкнулся с фонарным столбом, но в ее силах свалить всю вину на столб, а не на слепоту самого

бедняги. Все действия превращаются в теорию пост-фактум, только впоследствии складывается целая система. Внутри нее субъект становится уже не более чем *вероятной* фигурой для совершения этих действий. Вот он занят мыслью, шагает по улице и роняет клочки бумаги. Мысли захватывают его все больше, а клочки бумаги летят вдоль дороги. Он, владелец своих мыслей, одержим их силой, которая стремится распространить их через все ограничения, и незаметно превращается в заложника.

Сюнсуке отличал мысль от глупости. А потому судил свою глупость без поблажек. Ее призрак не проникал в произведения Сюнсукэ, но зато по ночам он не давал ему покоя. За его плечами — три неудачные женитьбы, кое-что из этого опыта все же проскользнуло в его романы. В годы молодости этот бывалый парень Сюнсукэ прошел через ряд поражений, совершил цепочку досадных просчетов и проступков.

Стало быть, он не испытал ненависти? Как же! Не вкусил ревности? Это неправда!

Вопреки ненависти, вопреки ревности, наполнявшим жизнь Сюнсукэ, его произведения сохраняли ясность и смирение. После третьей неудачной женитьбы, после бурлеска десятка беспорядочных любовных приключений этот стареющий литератор, измученный тяжелыми разрывами, до отвращения пресытившийся женщинами, никогда не украшал свои романы цветами ненависти, поднимался в них и до смирения, и до высокомерия.

Героини, обитавшие на страницах его многочисленных романов, казались читателям — и мужчинам, и женщинам — слишком чистыми созданиями. Один любопытный критик, занимавшийся сравнительным литературоведением, поместил его героинь в один ряд с эфемерными героинями Эдгара Аллана По — Лигей-

ей, Береникой, Мореллой и маркизой Афродитой. Все эти женщины были созданы не из человеческой плоти, а как будто из мрамора. Их влюбленность быстро улетучивалась, как случайные пятнышки вечернего света на изваяниях. Сюнсуке остерегался наделять своих героинь глубокими чувствами.

Другой критик, кивая на Сюнсукэ, не без насмешки называл его вечный феминизм совершенно очаровательным.

Первая его жена оказалась воровкой. За два года их супружеской жизни она умудрилась украсть и перепродать зимнее пальто, три пары туфель, отрез ткани на два весенних костюма и цейссовскую фотокамеру — просто от скуки. Когда она сбежала из дому, то унесла с собой драгоценности, заранее вшитые в пояс и воротничок нижнего кимоно. Сюнсукэ не обеднел даже после этой кражи.

Вторая его женушка тронулась умом. Она страдала навязчивой идеей, будто муж прикончит ее во сне, из-за этого хронически не высыпалась, психоз ее стал прогрессировать. Однажды на пороге дома Сюнсукэ почувал запах паленого. Жена стояла поперек дверей и не пускала мужа.

— А ну пусти! Что за едкий запах?

— Нет, нельзя сейчас! Я занята делом, очень важным!

— Каким?

— Ты всегда бросаешь меня в одиночестве, шляешься невесть где. Вот я стащила с твоей любовницы кимоно и подпалила его. Как хорошо мне теперь!

Он отпихнул жену. В комнате стоял чад, на персидском ковре валялись пылающие угли. Спокойно и грациозно, придерживая рукава кимоно, жена двинулась к печи, зачерпнула совочком горящие угли и швырнула на ковер. Сюнсукэ испуганно обхватил жену. Она

вроде бы стихла, но потом неистово рванулась из его объятий. Будто плененная хищная птица, бьющая мощными крыльями. Тело женщины напряглось, мышцы затвердели.

Третья его жена оставалась с ним до своей смерти. Эта сексуально ненасытная женщина принесла Сюнсуке немало мужских страданий. По сию пору он помнил свое первое мучение.

В те дни Сюнсукэ хорошо писалось, он часто засиживался допоздна. Как-то вечером, около девяти, пошел с женой в спальню. Вскоре оставил ее одну и поднялся в свой кабинет на втором этаже, часов до трех-четырёх утра работал и там же прилег на маленькой кровати. Он строго придерживался своего распорядка, с вечера до десяти утра с женой не виделся.

Однажды поздней ночью, это было летом, у него вдруг возникло острое желание разбудить жену, однако он поборол этот неурочный импульс заняться любовью. В то утро часов до пяти, как бы в наказание себе, он трудился еще более упорно, до полного завершения работы. Его не брал даже сон. Конечно, все это время жена его спала. Он потихоньку спустился по лестнице. Дверь в спальню была открыта. Жена отсутствовала.

Сюнсуке был сражен своей догадкой: «Это случилось всегда! Иначе и не могло быть, при моем-то распорядке. Я должен был это предвидеть! Я должен был этого бояться!»

Однако он совладал со своим волнением. Ведь жена могла выйти в туалет, как обычно, накинув свой черный бархатный халат поверх ночной сорочки. Он стал дожидаться ее. Жена не возвращалась.

В приступе нового беспокойства Сюнсукэ направился по коридору в сторону туалета. На кухне, под окном он увидел облаченную в черный халат неподвижную фигуру своей жены, которая облокотилась на ку-

хонный стол. Еще была предрассветная темень. По ее смутной фигуре он не мог точно определить, сидела ли она на стульчике или преклонила колени. Сюнсука спрятался за плотной портьерой в коридоре.

Тотчас на заднем дворе скрипнула деревянная калитка. Вслед за тем он услышал низкий мелодичный свист. В это время приносили молоко.

В соседних дворах залаяли собаки. На ногах у молочника были кеды. Он весело скакал по влажным после ночного дождя камням, ощущая через тонкую подошву их холод, тело его распалилось от ходьбы, оголенные руки, торчащие из рукавов голубой футболки, стряхивали воду с листьев на кустах аралии. В чистых нотах свиста ощущалась свежесть юношеских губ.

Жена поднялась. Распахнула кухонную дверь. В сумерках нарисовалась темная мужская фигура. Белые зубы, обнаженные в улыбке, и голубая футболка были едва видимы. Влетел утренний ветерок и потрепал кисти занавесок.

— Спасибо, — сказала жена.

Она взяла две бутылки молока. Глухой звон бутылок был разбавлен серебристым звоном ее кольца.

— Госпожа, а подарочек? — сказал юноша с притворным нахальством.

— Сегодня не получится.

— Ну, если не сегодня, так давайте завтра днем.

— И завтра не выйдет!

— Вы обещали раз в десять дней. Или кто другой повадился?

— Тише, не говори громко!

— А послезавтра?

— Послезавтра, говоришь...

Слово «послезавтра» жена Сюнсука произнесла с важной неспешностью, будто возвращала в шкаф хрупкую фарфоровую чашку. «Послезавтра вечером у моего мужа намечена беседа за круглым столом».

— В пять часов сгодится?

— Хорошо, в пять часов.

Жена отворила дверь. Юноша не сдвинулся с места. Он тихонечко раза три-четыре пробарабанил пальцами по дверному косяку.

— А если сейчас?

— Что ты возомнил себе?! Мой муж на втором этаже. Не выношу таких безмозглых мальчиков.

— Всего один поцелуйчик!

— Не здесь! Еще кто-нибудь заметит.

— Один поцелуй!

— Какой настырный! Так уж и быть, один!

Юноша закрыл за собой дверь и ступил на порог кухни. Она шагнула следом за ним в комнатных тапочках на кроличьем меху.

Они стояли лицом к лицу — как роза с шестом. Ее черный бархатный халат часто-часто приходил в волнообразное движение на спине и бедрах. Руки мужчины развязали поясок. Жена мотнула головой. Между ними произошла немая размолвка. Все это время спиной к Сюнсукэ стояла его жена, а потом спиной повернулся молочник. Сюнсукэ увидел распахнутый халат. Под ним на ней ничего не было. Юноша встал на колени в тесном проеме дверей.

Сюнсукэ никогда еще не приводилось видеть что-нибудь белее наготы своей жены, неподвижно стоящей в предрассветном сумраке. Эта белизна ее тела не казалась застывшей — она перетекала и мерцала. Словно слепой, шарящий руками, жена ощупывала волосы стоящего на коленях юноши.

Сначала глаза ее поблескивали, потом темнели, раскрывались широко и снова прищуривались — на что она тарасилась? На эмалированные кастрюли на полках, на холодильник, на посудный шкаф, на силуэты деревьев за темным окном, на отрывной календарь?

Тишина этой кухоньки, сравнимая разве что с интимностью казармы перед побудкой, оживляла глаза этой женщины, и ничего более. Ее взгляд скользнул по шторам: что-то померещилось за ними... Жена отвела взгляд, и притаившийся за шторами Сюнсукэ не встретился с ней глазами.

«Эти глаза с малолетства приучали не смотреть на своего супруга!»

Сюнсукэ вздрогнул от этой мысли. Он чуть было не рванулся вперед, но этот порыв тотчас иссяк. Его распирало от возмущения и желания отомстить.

Вскоре молочник распахнул дверь и вышел из дому. Двор посветлел только слегка, Сюнсукэ на цыпочках поднялся на второй этаж.

У этого писателя, благородного господина, оставался только один способ пережить свои мужские обиды: это дневник, который он однажды стал вести на французском языке, исписывая целые страницы. За рубежом он никогда не бывал, но французским владел вполне и даже переложил на великолепный японский три романа Гюисманса¹: «Собор», «Там, внизу», «В пути», а также роман Роденбаха² «Мертвый Брюгге» — только для того, чтобы набить себе руку. Если этот дневник опубликуют после его смерти, то он может затмить его другие вещи. Все важные элементы, которых так не хватало в его прозе, изобиловали на страницах дневника, а взять и перенести их слово в слово в художественные произведения — значило бы пойти наперекор авторской позиции: Сюнсукэ презирал правду в ее голом виде. В голове его накрепко засело убеж-

¹ Шарль Мари Жорж Гюисманс (Жорис-Карл) (1848–1907) — французский писатель-символист, автор романа «Наоборот» (1884), известного в России по переводам М. А. Головкиной (1906), И. Карабутенко (1990), Е. Л. Кассировой (1995).

² Жорж Роденбах (1855–1898) — бельгийский поэт и писатель-символист.

дение, что всякий талант, проявляющий сам себя в какой-либо сфере, есть всего-навсего подлог, мошенничество. Все же произведения его страдали нехваткой объективности, а причина коренилась в его творческой установке — он упорно отстаивал субъективистские принципы. Чрезмерная ненависть к голой правде превратила его произведения в некое подобие скульптур, хотя бы и изваянных из плоти и крови.

Вернувшись в кабинет, Сюнсукэ немедленно засел за дневник. Он погрузился в него с головой, описывая мучительные подробности этого тайного свидания на рассвете. Его рука будто намеренно писала неразборчиво, чтобы в другой раз он не смог прочесть ни строчки. Страницы этого дневника и дневников десятилетней давности, которые заполняли книжные полки, буквально пестрели проклятиями в адрес женщины. Если эти проклятия не возымели действия, то по той причине, что они исходили не от женщины, а от мужчины.

В дневнике его много места занимают не столько поденные записи, сколько афоризмы и фрагменты, поэтому легко будет процитировать какой-нибудь художественный отрывок. Вот что он писал в дни своей юности:

«Женщины ничего, кроме детей, не приносят в этот мир. Помимо детей, мужчина может быть творцом разнообразных вещей. Творчество, воспроизведение и размножение — мужские способности. Зачатие у женщины — не более чем часть ее материнской заботы в воспитании ребенка. Это старая истина. (Кстати, Сюнсукэ не завел детей из принципа.)

Женская ревность — это просто ревность к творческому дару. Женщина, которая рождает сына и занимается его воспитанием, наслаждается местью про-

тив творческих способностей мужчины. Она оживает, когда препятствует его творческим наклонностям. Страсть к потреблению и роскоши является разрушительной страстью. Женский инстинкт побеждает везде и всюду. Капитализм — исконно мужская теория репродуктивности. Ум женский, однако, подточил его основание. В итоге капитализм превратился в экстравагантную теорию роскоши, и вскоре он докатился до военных баталий — и все благодаря каким-то Еленам. Вероятно, в далеком будущем такая же участь ожидает и коммунизм, и сгубит его женщина.

Где угодно выживет женщина, и царствует она как ночь. Поистине над всем возвышается ее низменная природа. Все ценности она стягивает в болото своей чувственности. Ни одна доктрина не доступна женскому пониманию, абсолютно! Ну, еще какой-нибудь „...тический“ она поймет, а „...изм“ — это уже сверх ее ума. И не только в теории она недалека. Она не осознает даже самой атмосферы, а все потому, что лишена самобытности. Учуть-то она ее учует. Нюх у нее как у кабанихи. Парфюм — это мужское изобретение, выдуманное для того, чтобы развить женское обоняние. Благодаря этим ароматам мужчине удастся улизнуть от нюха женщины.

Сексуальное очарование женщины со всеми ее уловками только доказывает, что она ни на что не годится. Ведь то, что полезно, не нуждается в кокетстве. Какая тщета, если мужчина стремится быть привлекательным для женщины! Для духа мужчины это оскорбление! Женщина не ведает, что такое дух, она наделена только чувственностью. Ее магическая чувственность питается смехотворными противоречиями — прямо как самодовольный солитер! Бывает, что материнство делает женщину поразительно возвышенной натурой, но в действительности оно не имеет никакого отношения к духу. Это просто такой биологический феномен,

качественно не отличающийся от жертвенной материнской любви, которую мы наблюдаем в животном мире. Дух должен рассматриваться с точки зрения качественных отличий, которые отделяют людей от других млекопитающих животных...»

Эти «качественные отличия» духа (скорее всего, это называется способностью к вымыслам, только человеку и свойственной) могут быть обнаружены на всунутой между дневников фотокарточке двадцатипятилетнего Сюнсукаэ. Безобразность черт его уродливого и юного лица имела как бы рукотворное, а не природное происхождение: на снимке угадывался человек, прилагающий изо дня в день много усилий, чтобы увериться в собственном уродстве.

В его дневнике того года, прилежно написанном по-французски, встречались небрежные и непристойные места. В нем раза два или три было размашисто перечеркнуто крест-накрест слово «вагина». Он проклинал темное женское начало.

Сюнсукаэ женился на воровке и сумасшедшей не потому, что рядом не оказалось подходящей женщины. В его окружении вращались и женщины «одухотворенные», которые были бы не прочь увлечься этим одаренным молодым человеком. Однако создание, именуемое «одухотворенной» натурой, оказалось вовсе не женщиной, а чудовищем в женском облике. В любви Сюнсукэ чаще всего приходилось терпеть измены от тех женщин, которые упорно не хотели понимать его единственную сильную сторону, его единственную красивую черту — его духовность. Вот на них-то и можно было бы поставить клеймо подлинности. Это были настоящие женщины. Сюнсукэ влюблялся только в красивых женщин, в этаких мессалин, уверенных в собственной красоте и не нуждавшихся в какой-то там духовности.

Перед глазами Сюнсуке всплыли нежные черты третьей жены, умершей три года назад. В пятьдесят лет она и ее любовник, моложе ее почти в два раза, покончили с собой. Сюнсукэ понимал, почему жена отважилась на такой поступок. Она не представляла своего совместного будущего со стареющим безобразным Сюнсукэ.

Тела любовников-самоубийц нашли на мысу Ину-бо. Бурными волнами оба трупа забросило на высокие скалы. Было нелегким делом снять их с вершины. Перетянув утопленников за бедра веревками, рыбаки передавали их со скалы на скалу, вокруг которых клубился туман, пенился и грохотал прибой.

Так же нелегко было разнять два мертвых тела. Они буквально сплывались друг с другом, как два мокрых листа бумаги; их кожа, казалось, стала единым целым. С трудом отделенные останки жены Сюнсукэ по желанию мужа были отправлены в Токио, чтобы там предать их кремации. Прощание было пышным. Отдали последние почести, настало время выноса тела из помещения. Гроб перенесли в другую комнату, и супруг, состарившийся в одночасье, остался один на один попрощаться с телом. Лилии и гвоздики погребали мертвое, страшно разбухшее лицо, полупрозрачные кончики волос отсвечивали синевой, виднелись ровные ряды корней. Сюнсукэ вглядывался в крайне безобразное лицо пристально и бесстрашно. Это лицо внушало злость. Оно больше не причиняло ему страданий и не нуждалось в красоте — не поэтому ли лицо ее казалось таким отвратительным?

Он взял бережно хранимую маску девушки театра Но и положил на мертвое лицо. Нажал что есть силы, пока лицо утопленницы не продавилось, как перезревший фрукт. Никто не знал, что он делал в комнате, ведь через какой-то час все следы пожрал огонь.

В дни траура Сюнсукэ метался то в муках, то в злобе. Когда он вспоминал преддвечное летнее утро, означившее начало его страданий, его пронзала такая острая боль, что он с трудом верил, что жена уже не жива. Соперников у него было больше, чем пальцев на руках, — с их юношеским нахальством, с их ненавистной красотой... Одного из них, паренька, он в порыве ревности поколотил палкой по чему попало, тогда жена пригрозила бросить его. Он попросил у жены прощения и откупился костюмом для паренька. Позднее этот юноша был убит на войне в Северном Китае. Сюнсукэ многословно, захлебываясь от восторга, писал в своем дневнике о его гибели; затем как одержимый блуждал по городу. На улице его теснили отправляющиеся на фронт солдаты и провожающие. Сюнсукэ пристал к одной группе людей, окружившей воина, который прощался с красивенькой девушкой, его невестой, и с радостью помахал бумажным флажком. В этот самый момент один пронырливый репортер щелкнул фотоаппаратом, и огромная фотография Сюнсукэ, махающего флажком, появилась в газете. Кому могло прийти в голову, что этот чудаковатый писатель своим флажком благословлял солдат на смерть на полях сражений, где недавно погиб тот ненавистный ему юноша?

В этих растрепанных, мрачных мыслях Сюнсукэ Хиноки проехал последний отрезок своего пути — еще часа полтора в автобусе от станции до побережья, где остановилась Ясуко.

«Закончилась война, — вспоминал он. — А на второй год, в начале осени жена совершила суицид. Газеты были снисходительны, оповестили о сердечном ударе. Всю подоплеку знали только близкие друзья. После дней траура я неожиданно влюбился в супругу одного бывшего графа. Моя жизнь складывалась из амурных

приключений, их было у меня с десятков или около того, и вот, кажется, с этой любовью она обрела полноту. В щепетильный момент явился ее муж и стал вымогать триста тысяч иен. Этот экс-граф прирабатывал шантажом, а жена его была в доле».

Автобус сильно трясло. Сюнсукэ распирало от смеха. Он находил комичным этот эпизод своей жизни. Вдруг этот забавный случай чем-то встревожил его.

«Интересно, способен ли я еще презреть женщину так же сильно, как в годы юности?»

Он подумал о Ясуко, девятнадцатилетней девушке, которая навевалась к нему несколько раз после их знакомства в мае месяце в Хаконе.

Грудь стареющего писателя всколыхнулась.

В середине мая, когда Сюнсукэ был в Накагора, уединившись для работы, одна девушка, проживавшая в его гостинице, попросила через служанку об автографе. Он столкнулся с ней на окраине парка. Она шла с книгой в руках познакомиться с писателем. Выдался чудесный вечер, и Сюнсукэ вышел прогуляться, а на обратном пути, поднимаясь по каменной лестнице, встретил Ясуко.

— А, это вы? — спросил Сюнсукэ.

— Да. Меня зовут Сегава. Здравствуйте!

На ней было какое-то детское платьице цвета китайской гвоздики. Ноги и руки длинные, грациозные. Даже несколько длинноватые. Голени упругие, как только что выуженная из реки форель. Из-под коротенького подола выделялась белая-белая кожа. Сюнсукэ показалось, что ей лет семнадцать. Благодаря выразительным глазам она выглядела девочкой-переростком, а иной человек дал бы ей лет двадцать. Из гэта¹ высывались чистые пяточки — аккуратные, твердые, поптичьему маленькие.

¹ Гэта — деревянная обувь.

- Где ваша комната?
- В другом крыле.
- Вот почему я не видел вас раньше. Вы одна?
- Да, сегодня одна.

Девушка поправляла здесь здоровье, переболев пневмонией. Сюнсуке импонировало, что она предпочла читать именно его повести. Ее спутница, старая женщина, вернулась по делам на пару дней в Токио.

Сюнсуке мог бы провести девушку в свою комнату, чтобы надписать книгу, и распрощаться, однако он захотел встретиться с ней еще завтра, поэтому они присели на невзрачную скамейку в парке.

Говорили о том о сем. Старик был малообщителен, девушка — благопристойной, поэтому разговор не сблизил их. «Откуда приехала?», «Как семья?», «Как здоровье?» Сюнсуке спрашивал, а девушка отвечала, скромно улыбаясь.

Кажется, преждевременно и незаметно для обоих вечерние сумерки окутали парк. С наступлением темноты покатые горы Мёдзё и Татеяма — одна напротив, а другая справа — как бы осунулись, стали ближе, вошли в мысли девушки и старика. Между горами покоилась бухта Одавара. Будто вечерняя звезда, вспыхивали огни маяка — в той стороне, где сливается в дымке темнеющее небо с узенькой полоской моря. Пришла служанка и позвала на ужин. Они расстались.

На следующий день Ясуко и ее старшая спутница пришли в комнату Сюнсуке с гостинцем из Токио. Он вручил им две заранее подписанные книги. Говорила только женщина, позволяя Сюнсуке и Ясуко отмалчиваться, к их вящему удовольствию. Гости ушли, и Сюнсуке затеял прогуляться — куда-нибудь подальше. Он запыхался, поднимаясь в гору быстрым, нервным шагом.

«Не важно куда, лишь бы идти, пока не устану. Ты погляди, какой я ходок!» — подбадривал он себя.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Начало	5
Глава вторая. Зеркальный контракт	36
Глава третья. Женитьба почтительного сына	54
Глава четвертая. Вечернее зарево на горизонте	64
Глава пятая. На путь спасения	81
Глава шестая. Тревоги зрелой женщины	91
Глава седьмая. Выход на подмостки	112
Глава восьмая. Джунгли чувственности	119
Глава девятая. Ревность	136
Глава десятая. Нечаянная ложь и нечаянная правда	146
Глава одиннадцатая. Семейные традиции: чай с рисом	166
Глава двенадцатая. Gay party	193
Глава тринадцатая. Вежливость	202
Глава четырнадцатая. Одинокий и независимый	218
Глава пятнадцатая. Воскресная хандра	226
Глава шестнадцатая. Вояж	243
Глава семнадцатая. Как сердце прикажет	256
Глава восемнадцатая. Злоключения подсматривающего	268
Глава девятнадцатая. «Мой соратник»	282
Глава двадцатая. Беда жены — беда мужа	306
Глава двадцать первая. Старость Тютю	329
Глава двадцать вторая. Соблазнитель	341

Глава двадцать третья. Дни созревания	370
Глава двадцать четвертая. Диалог	376
Глава двадцать пятая. Перемена в жизни	387
Глава двадцать шестая. Отрезвление	400
Глава двадцать седьмая. Интермеццо	437
Глава двадцать восьмая. Гром среди ясного неба	456
Глава двадцать девятая. Deus ex machina	485
Глава тридцатая. Мужественная любовь	501
Глава тридцать первая. Проблемы духовные и финансовые	512
Глава тридцать вторая. Финал	534
 <i>Александр Чапцев</i>	
Приложение. Homme fatale, запретный секс и «Смерть в Венеции»	551